

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

П.А. Цыганков*

МОРТОН КАПЛАН И СИСТЕМНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

Статья посвящена 55-й годовщине выхода в свет книги Мортон Каплана «Система и процесс в международной политике», оказавшей заметное влияние на развитие международно-политической теории. Дана оценка предложенной М. Капланом типологии международных систем, основанной на двух главных критериях — количестве акторов и силовой конфигурации, и форм политического поведения государств в сфере международных отношений. Осмыслены научный вклад работы М. Каплана и уроки, которые можно извлечь из противопоставления «научного» подхода «традиционному».

Ключевые слова: Мортон Каплан, теория международных отношений, типология международных систем, системное моделирование, силовая конфигурация, бихевиоризм.

В наши дни трудно представить себе анализ межгосударственных отношений, мировых процессов и даже конкретных событий в том или ином регионе или стране, не говоря уже об исследованиях и попытках прогнозирования глобальной политики, без обращения к основам системного подхода, заложенным в работе Мортон Каплана «Система и процесс в международной политике», увидевшей свет более полувека назад [23]. Сегодня это исследование уже не настолько широко известно (по сравнению, например, с работами Г. Моргентау, К. Уолца, Ст. Хоффмана или Дж. Розенау), однако не будет преувеличением сказать, что его появление наложило существенный отпечаток на последующее развитие международно-политической теории. Неслучайно уже в 1960-е годы книга М. Каплана вызвала огромный поток специальной литературы [см., например: 6; 12; 14—17; 20; 30; 32], что заставило автора разяснять и уточнять свои позиции и подходы [21; 24—26], которые сохраняют актуальность и сегодня.

* * *

Мортон Каплан — один из представителей Чикагской школы политической науки, известной своим вкладом в развитие эмпирических исследований и формирование бихевиористского направ-

* Цыганков Павел Афанасьевич — д.филос.н., профессор факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tsygankp@mail.ru).

ления. Первое поколение этой школы (1920—1930-е годы) во главе с Ч. Мерриамом и двумя его коллегами, Г. Госнеллом и Г. Лассуэллом, получившее известность как экологическая школа, испытывало сильное влияние социологического подхода. Его представители скептически относились к традиционным историческим и институциональным направлениям, настаивая на необходимости внедрения новых исследовательских методов, основанных на более систематической и объективной проверке политологических суждений эмпирическими данными.

В конце 1940-х — начале 1950-х годов вновь обострились противоречия между сторонниками историко-институционально-правового (Л. Уайт и Г. Притчетт) и поведенческого, или бихевиористского (А. Зольберг, Д. Гринстоун и Д. МакРой), подходов. Г. Алмонд утверждал: «Это было время, когда на европейском континенте сокрушалась демократия и когда у свободы исследования и научного поиска было, казалось, небольшое будущее в свете развивавшихся событий. И лишь после Второй мировой войны в контексте великой научной революции в ядерной физике и молекулярной биологии, надвигавшегося соперничества с СССР, осуществившего запуск спутника, бихевиоризм достиг национальных и общемировых масштабов. <...> В первые послевоенные десятилетия было много необходимых и достаточных причин для бихевиористской революции» [4, р. 92].

В этих условиях группа так называемых младотурков во главе с Д. Истоном, М. Капланом и Л. Биндером выступила за усиление эмпирической составляющей в политической науке. Развернувшаяся дискуссия потребовала прояснения философских основ и общетеоретических предпосылок приверженцев обоих направлений. Эта вторая волна бихевиористского движения обрела своих сторонников в национальном масштабе, чему способствовали инновационные работы, в частности, таких авторов, как Х. Илоу, О. Ранней, У. Милле и Г. Алмонд (представитель первой волны). Г. Алмонд, Г. Пауэлл, С. Верба и Г. Икстайн стали пионерами эмпирических компаративных исследований, а М. Каплан и Ф. Шуман одними из первых применили данный подход к изучению международных отношений [подробнее см.: 29].

Бихевиористы стремились обнаружить единообразие и повторяемость в политическом поведении путем систематического отбора и регистрации эмпирических данных, поддающихся квантификации и точным количественным измерениям. Результаты таких операций должны были использоваться для проверки обоснованности теоретических обобщений. При этом ценностные суждения, вопросы философского характера, этические оценки должны были считаться аналитически отличными от процесса

эмпирической экспертизы [29]. Системный подход целиком вписывался в эту рационалистическую традицию. Он отвечал как методологическому императиву «модернизма» — использованию количественных исследовательских процедур и формализации научного поиска, так и стремлению к созданию общей теории.

Уже в конце 1950-х годов издержки позитивистской тенденции в политической науке, казалось, были успешно преодолены. Как утверждал С. Хоффман в 1959 г., «...вся современная политическая наука имеет теоретическую направленность, что является реакцией против прежнего “гиперфактуализма”, а также влияния физических наук, социологии, наук о коммуникациях» [18, p. 348].

Однако в науке о международных отношениях дискуссия продолжалась, получив после 1966 г. название «второго большого спора», затронувшего именно ее теоретическую ориентацию. Характеризуя взгляды нового поколения международников, Х. Булл писал: «Они стремятся к теории международных отношений, положения которой базировались бы на логических или математических доказательствах либо на точных эмпирических процедурах верификации. Некоторые из них считают, что классические теории международных отношений не имеют никакой ценности, и воображают себя основателями абсолютно новой науки. Другие полагают, что результаты классического подхода имели некоторую ценность, и, может быть, даже относятся к ним с определенной симпатией, наподобие той, с которой обладатель новейшей марки автомобиля созерцает старую модель. Однако в обоих случаях они надеются и верят, что их собственный тип теории полностью вытеснит классический тип» [10, p. 21].

Выдвинув семь аргументов в защиту классического подхода к исследованию международных отношений [10], Х. Булл уделил особое внимание критике теории международных систем М. Каплана, утверждая, что сформулированные им модели международных систем и основные правила, характерные для поведения каждой из них, — это фактически не более чем «общее место», выуженное из ежедневных дискуссий о международных отношениях и общей политической структуре, которую имел или мог бы иметь мир.

Отвечая на критику, М. Каплан подчеркивал, что базовая концепция работы «Система и процесс в международной политике» достаточно проста. Если количество, тип и поведение государств изменяются с течением времени и если при этом их военные способности, экономические ресурсы и информация также варьируют, то вполне вероятно, что между этими элементами существует некая взаимосвязь, благодаря которой могут быть выделены системы с разными структурами и поведением, свойственные различным периодам истории. Эта концепция, утверждает автор, может быть

не вполне корректной, но она не выглядит лишенной смысла для изучения вопроса о влиянии того или иного типа международной системы на внешнюю политику государств. Для проведения такого исследования нужны системные гипотезы по поводу характера связей между переменными, и только после того, как эти гипотезы разработаны, можно изучать историю, чтобы их подтвердить или опровергнуть. Без этого исследователь не имеет никакого критерия, на основе которого он может выбирать из бесконечного множества фактов, находящихся в его распоряжении. Эти первоначальные гипотезы указывают на те области фактических данных, которые имеют наибольшее значение для подобного типа исследования. Есть основания думать, что если гипотезы являются ошибочными, то это станет вполне очевидным при попытке их использовать [22, р. 5].

«Основная идея этой работы, — пишет М. Каплан, — состоит в том, что развитие знания о политике возможно только при рассмотрении данных о ней в терминах систем действия. Система действия — это набор переменных величин, отличных от общих параметров системы и взаимосвязанных таким образом, что описываемые закономерности их поведения отражают внутренние взаимоотношения величин между собой, а также взаимоотношения группы этих величин с группой величин, стоящих вне рассматриваемой системы» [23, р. 11].

Речь идет о типологии международных систем, основанной на двух главных критериях: количестве акторов и силовой конфигурации (*power configuration*). Результаты, к которым пришел М. Каплан, позволили ему создать такую типологию и выделить с учетом указанных критериев шесть типов международных систем, или, «точнее, шесть состояний равновесия одной сверхстабильной международной системы» [23, р. 21]. При этом реальной истории международной политики соответствуют лишь два типа: «система равновесия (баланса) сил» (*balance of power system*), в которой только главные акторы, т.е. государства (а точнее, великие державы), обладают значимым военным и экономическим потенциалом; и «мягкая (гибкая) биполярная система» (*loose bipolar system*), включающая помимо национальных акторов (государств) международные межправительственные организации, т.е. наднациональных акторов международной политики. Данный тип международной системы состоит как из глобальных, универсальных акторов, так и из акторов, принадлежащих к одному из двух блоков.

Четыре других типа международных систем, которые описаны в работе М. Каплана, являются, по сути, некими идеальными моделями, никогда не существовавшими в реальности. Так, «жесткая биполярная система» (*tight bipolar system*) предполагает, что каждый

актор, не принадлежащий ни к одному из двух блоков, утрачивает всякое заметное влияние или исчезает. «Универсальная система» (*universal system*), или «универсальная интегрированная система», характеризуется тем, что в ней важные властные политические функции переданы от государств универсальной (глобальной) организации, обладающей правом определять статус тех или иных стран, выделять им ресурсы и следить за соблюдением согласованных правил международного поведения. «Иерархическая система» (*hierarchical system*) вытекает из универсальной, принимая форму мирового государства, в котором роль конкретных стран минимизирована. Наконец, «система единичного вето» (*unit veto system*) предполагает, что каждый актер (государство или союз государств) способен оказывать эффективное влияние на совокупную международную политику, поскольку имеет возможность (связанную, например, с обладанием ядерным оружием) защитить себя от любого другого государства или коалиции государств.

Эта типология не является неизменной. В дальнейшем автор выделил такие варианты «гибкой биполярной системы», как «очень гибкая биполярная система», «система разрядки» и «нестабильная блоковая система». В качестве варианта «системы единичного вето» он также рассматривал модель «системы частичного ядерного распространения» [24].

Разработанная М. Капланом типология международных политических систем стала одной из основ, опираясь на которые, он вывел различные типы политического поведения государств в сфере международных отношений.

Выделив с этой целью пять типов (моделей) такого поведения (связанных с критериями организации процесса принятия решений, распределения выгод от взаимодействия, предпочтений при создании коалиций, содержания и направленности политической активности, а также способности приспосабливаться к условиям, в которых необходимо принимать решения), автор перешел к непосредственному рассмотрению каждого из них, стремясь показать, как будет меняться поведение того или иного актора в зависимости от его типа и типа международной системы.

Таким образом, в отличие от большинства исследователей своего времени, М. Каплан далек от ссылок на историю, считая исторические данные слишком бедными для теоретических обобщений. Основываясь на общей теории систем и системном анализе, он конструирует абстрактные теоретические модели, призванные способствовать лучшему пониманию международной реальности. Исходя из убежденности в том, что анализ возможных международных систем предполагает изучение обстоятельств и условий, в которых каждая из них может существовать или трансформиро-

ваться в систему другого типа, он задается вопросами о том, почему та или иная система развивается, как она функционирует, по каким причинам приходит в упадок. В этой связи М. Каплан называет пять переменных, свойственных каждой системе: основные правила системы, правила трансформации системы, правила классификации акторов, их способностей и информации. Главными из них, по утверждению исследователя, являются первые три переменных.

«Основные правила» определяют отношения между акторами, поведение которых зависит не столько от индивидуальной воли и особых целей каждого, сколько от характера системы, компонентами которой они являются. «Правила трансформации» выражают законы изменения систем. Так, известно, что в общей теории систем акцент сделан на их гомеостатическом характере — способности адаптироваться к изменениям среды, т.е. способности к самосохранению. При этом каждая модель (или каждый тип) системы имеет свои правила адаптации и трансформации. Наконец, к «правилам классификации акторов» относятся их структурные характеристики, в частности существующая между ними иерархия, которая также оказывает влияние на их поведение.

По мысли М. Каплана, модели, сконструированные им в работе «Система и процесс в международной политике», задают теоретические рамки, в пределах которых внешне не связанные между собой типы событий могут быть приведены в отношения друг с другом. С его точки зрения, любая теория включает: а) набор базовых терминов, определений, аксиом; б) формулирование на их основе положений, которые будут иметь однозначное эмпирическое обоснование; в) возможность верификации или фальсификации этих положений с помощью контролируемого эксперимента или наблюдения. В то же время исследователь утверждал, что для предварительной, или первоначальной, теории международной политики допустимы: во-первых, определенные смягчения этих требований; во-вторых, снятие условия подтверждения логической последовательности; в-третьих, отсутствие четкой, однозначной интерпретации терминов и методов «лабораторной» верификации положений.

Вопрос в том, удалось ли М. Каплану даже при этих ограничениях приблизиться к реализации модернистской цели — созданию подлинно научной теории международных отношений, которая полностью вытеснит классический традиционализм.

В широком плане вполне очевидно, что М. Каплан, как и большинство других его коллег — представителей так называемого научного (сциентистского) направления, скорее, разделяет основные положения классического политического реализма. Так, он исходит из принципа анархии международных отношений: «Поскольку нет такого судьи, который мог бы удержать подобного рода споры

в каких-либо заданных границах, нельзя сказать, что данная система полностью обладает политическим статусом. В современной международной системе государства-нации обладают политическими системами, но сама по себе международная система не имеет такого статуса. Международную систему можно охарактеризовать как систему с нулевым статусом» [23, р. 14].

Близость исследователя к реалистским позициям проявилась и в его трактовке основных акторов международных отношений — таковыми М. Каплан считает государства, причем в первую очередь великие державы. Он убежден и в том, что реалистская «доктрина, основанная на понятии “интерес”, является достаточно адекватным описанием международной системы “баланса сил”, несмотря на то что время от времени в рамках этой системы “ощущения” (или же “страсть”) одерживали верх над “интересом”» [23, р. 152]. Поскольку же анархичность международных отношений делает неизбежным столкновение интересов, их следует считать объективными и рассматривать в первую очередь в терминах военной безопасности. С точки зрения М. Каплана, «не существует прямой склонности национальных акторов к солидарности и сотрудничеству, равно как нет передаваемой склонности, которая вынуждала бы их ставить потребности других национальных акторов превыше своих собственных» [23, р. 161].

Конечно, нельзя не видеть и того, что одно из главных положений, на которых основана концепция М. Каплана, состоит в утверждении об основополагающей роли структуры международной системы в поведении государств. В данном вопросе исследователь не только присоединяется к каноническому политическому реализму, но и в определенной мере предвосхищает теоретические построения неореализма. Кроме того, вместе с другими модернистами он сделал еще один шаг вперед по сравнению с традиционными реалистами, обратив внимание на взаимосвязь внешней и внутренней политики, что позволило обогатить не только факторный, но и акторный подход, включив в анализ помимо государств также субгосударственных и надгосударственных акторов. И все же в целом теоретические построения М. Каплана не выходят далеко за рамки реалистской традиции.

Непосредственно предложенная им теория системного моделирования тоже вызывает вопросы. М. Каплан утверждает, что не существует разницы между физическими и гуманитарными науками, когда речь идет о потребности эмпирического подтверждения, и что наряду с эмпирическими исследованиями системная теория международной политики требует использования моделей. Так, например, с его точки зрения, можно представить себе компьютер, связанный с системой банка информации, который получает от

шпионов сведения о предстоящих действиях противника, анализирует их с учетом предыдущих действий этого противника и выстраивает модели его будущего поведения, что дает возможность принимать решения о мерах по их предотвращению [22, р. 3]. Однако, говоря словами Х. Булла, именно техника построения моделей и вызывает вопросы. Действительно, на основе каких критериев автор создал подобные модели, какова мера их строгости и логичности, как они соотносятся с основными сформулированными ранее типами поведения международных акторов? Ответов на подобные вопросы теория М. Каплана не дает.

В своем стремлении к созданию универсального и бесспорного знания о международных отношениях, которое было бы подобно естественным наукам, М. Каплан уделяет особое внимание сравнению теоретических моделей с историческими международными системами. Вместе с тем он вынужден признать несовершенство этого метода построения теории. «Если теоретическая модель стабильна, а историческая система нестабильна, то это значит, что в теории не был принят во внимание какой-то фактор, который оказывает определенное воздействие. Если обе системы стабильны, то существует вероятность, что причины этого другие, отличные от тех, которые содержались в гипотезах. Возможные ответы на этот вопрос могут быть получены либо путем более глубокого изучения частных систем, либо посредством дополнительных сравнительных исследований, которые позволят определить различия в тех или иных случаях. Выявление принуждающих параметров потребовало бы, вероятно, увеличения количества сравнительных исследований» [22, р. 15]. Очевидно, однако, что подобные процедуры не дают уверенности в конечном результате, как из-за отсутствия ясности относительно их требуемого количества, так и по причине недоказанной вероятности повторения типов международного поведения политических акторов.

Одним из важных критериев научности знания модернисты считают его объективность, требующую от ученого беспристрастности оценок и свободы от идеологических суждений. Следуя этому императиву, М. Каплан даже ценности определяет на основе потребностей и диктуемых ими целей, т.е. сугубо инструментально [23, р. 149]. Однако это не мешает ему высказывать суждения исключительно идеологического характера, не поддающиеся ни одному из научных критериев. Так, например, он утверждает, что СССР «был вынужден вступить в войну на стороне Запада» [23, р. 31]. Несмотря на немногочисленность подобных положений и тот факт, что они отнюдь не являются центральными с точки зрения основной проблематики книги и ее задач, такие утверждения не могут подрывать доверия к теоретическим построениям автора, ис-

пользовавшего идеологические штампы западных СМИ, которые навязывают массовому сознанию антисоветские (а сегодня — анти-российские) мифы. Для науки подобные суждения не представляют интереса (логики называют их «бесполезными»). Их назначение иное — мобилизация общественного мнения, поддержание его в состоянии постоянной готовности одобрять одни внешнеполитические установки и отторгать другие. Своей грубой исторической неправдой подобные заявления лишней раз подтверждают иллюзорность тезиса о возможности абсолютно беспристрастной, неидеологизированной, свободной от всяких предпочтений и потому строгой и сугубо научной теории международных отношений.

М. Каплан исходит из установки о предписывающей функции теории, что вполне логично для представителя «научного» направления, постулирующего безграничные возможности эмпирически проверяемого знания. В этой связи важное место в его книге уделено стратегии, понимаемой автором как «изучение ограничений, которые могут налагаться на рациональный выбор оппонента» или же «рассмотрение проблем, связанных с прогнозированием тех или иных действий в заданных условиях» [23, р. 167].

Основным инструментом решения стратегических проблем, утверждает М. Каплан, может служить теория игр, позволяющая анализировать различные варианты рационального выбора при принятии решений в ситуациях определенности, неопределенности и риска. Исследователь убежден в том, что эта теория «является достаточно точным инструментом, который основан на вполне четко выраженных положениях. В сферах, в которых она находит применение, можно быть уверенным в отсутствии ошибок (с позиций здравого смысла). Кроме того, знание о теории игр является важным также для изучения тех проблемных сфер, где она еще не была использована. В этих сферах при отсутствии лучших инструментов анализа можно применить теорию игр для уточнения положений здравого смысла» [23, р. 169].

Однако именно теории рационального выбора, преобладавшие в экономическом департаменте Чикагского университета в 1970-е годы и вторгшиеся затем в политологию, как и во все социальные науки, с целью сделать их действительно научными, стали существенным вызовом концептуальным взглядам М. Каплана. По мнению К. Монро [29], сторонники теорий рационального выбора выступали с критикой бихевиоризма и системной теории о входах и выходах, которая, с их точки зрения, мало пригодна для понимания психологических особенностей процесса принятия решений. Положение бихевиоризма, согласно которому внешние наблюдатели могут различить только поведение, перестало удовлетворять многих, и ученые-когнитивисты (во главе с Г. Саймоном, представителем другой

Чикагской школы) присоединились к экономистам, выдвинув в 1970-е годы методологию рационального выбора на передовые позиции политических исследований. В конечном итоге важное философское различие между методологией рационального выбора и бихевиоризмом стали зачастую фактически игнорировать. Бихевиористы и сторонники теорий рационального выбора объединились в противодействии нападкам постмодернистов на «науку», а концепции представителей второй волны Чикагской школы оказались инкорпорированными в обычный здравый смысл, иными словами — растворились в теории рационального выбора.

Таким образом, концептуальные построения М. Каплана не выдержали испытания в двух отношениях: они не стали заменой (или хотя бы одним из элементов замены) «традиционной» теории международных отношений, а их «научности» оказалось недостаточно для «рациональности» сторонников теории игр.

Это не означает, однако, что труд М. Каплана не оставил никаких следов, а его работа оказалась полностью забытой. Заслугой ученого является то, что он одним из первых поставил вопрос о законах функционирования, изменения и сравнительных преимуществах международных систем различной конфигурации. Содержание указанных законов является дискуссионным, хотя предмет таких дискуссий, как правило, един и касается сравнительных преимуществ биполярных и многополярных систем.

Так, Р. Арон считал, что биполярная система содержит тенденцию к нестабильности, поскольку основана на взаимном страхе и побуждает обе противостоящие стороны к жесткости в отношении друг друга из-за противоположности их интересов.

Подобное мнение высказывает и М. Каплан, утверждая, что биполярная система более опасна, так как характеризуется стремлением контрагентов к мировой экспансии, предполагает постоянную борьбу между ними либо за сохранение своих позиций, либо за передел мира. Конечно, многополярная система баланса сил содержит определенные риски (например, риск распространения ядерного оружия, развязывания конфликтов между мелкими акторами или непредсказуемости последствий, к которым могут привести изменения в блоках между великими державами), однако они не идут в сравнение с опасностями биполярной системы.

Не ограничившись подобными замечаниями, М. Каплан рассматривает «правила» стабильности для биполярных и многополярных систем и выделяет шесть правил, соблюдение которых каждым из полюсов многополярной системы позволяет ей оставаться стабильной:

- 1) расширять свои возможности, но лучше путем переговоров, чем путем войны;

- 2) лучше воевать, чем не суметь расширить свои возможности;
- 3) лучше прекратить войну, чем уничтожить великую державу, ибо существуют оптимальные размеры межгосударственного сообщества (неслучайно европейские династические режимы считали, что их противодействие друг другу имеет естественные пределы);
- 4) сопротивляться любой коалиции или отдельной нации, пытающейся занять господствующее положение в системе;
- 5) противостоять любым попыткам того или иного национального государства «присоединиться к наднациональным международным организационным принципам», т.е. к распространению идеи о необходимости подчинения государств какой-либо высшей власти;
- б) относиться ко всем великим державам как к приемлемым партнерам; позволять стране, потерпевшей поражение, войти в систему на правах приемлемого партнера, или заменять ее путем усиления другого, ранее слабого государства [23, р. 23].

Создается впечатление, что эти правила выведены индуктивным путем из внешней политики великих держав (в первую очередь США) и затем (уже дедуктивным способом) представлены в качестве всеобщих принципов их поведения в многополярной системе. При этом очевидно, что несоблюдение «победителями» в «холодной войне» правила 3 и особенно правила б (при объективной невозможности выполнения его третьей части) с последующими упорными попытками сдерживания постсоветской России на пути к великодержавности способствовало хаотизации международной системы и уменьшению ее безопасности.

М. Каплан поднял вопрос и об оптимальном количестве полюсов многополярной системы баланса сил. Многие считают, что для наибольшей стабильности такой системы необходимо пять великих держав. По мнению М. Каплана, это минимальный предел, и уровень безопасности возрастает, когда число полюсов превышает некую верхнюю границу, которая пока не выявлена [22]. Конечно, указанный вопрос не нашел своего теоретического решения (как, впрочем, и проблема сравнительной степени безопасности би- и многополярной систем) и вряд ли найдет на пути системного моделирования. Однако сама его постановка и обсуждение, инициированное работой М. Каплана, способствуют развитию теории международных отношений, поскольку, с одной стороны, выявляют множество других теоретических проблем, а с другой — предостерегают от односторонних выводов и основанных на них решениях.

К числу заслуг М. Каплана стоит отнести и обращение к социологическому подходу в исследовании международных отношений. Анализ в терминах групп интересов, ролевых функций, культурных факторов дал ему возможность выйти за рамки одностороннего

государственнического подхода: он не только различал несколько типов национальных, наднациональных и субнациональных акторов, но и выявлял признаки вторжения социального, хотя и в рамках гипотетической модели иерархической международной системы: «...правила иерархической системы переносятся в основном на функциональных акторов, таких как профсоюзы, индустриальные организации, полицейские организации и организации в рамках здравоохранения» [23, р. 49]. Обращение к социологическому подходу позволило ученому, пусть и вопреки общей логике рационального выбора, заметить, что «национальные акторы могут вести себя столь же нерационально и непоследовательно, как и люди» [23, р. 2].

Однако главная заслуга М. Каплана состоит в том, что благодаря своей работе «Система и процесс в международной политике» он стал одним из первых ученых, обративших внимание на важность, плодотворность и необходимость системного подхода в этой области исследований.

Действительно, несмотря на то что понимание важности данного подхода в социальных науках восходит к Античности, он лишь сравнительно недавно получил в них широкое распространение, а в теории международных отношений приобрел актуальность благодаря попытке сделать его основой изучения и прогнозирования политических взаимодействий государств, что впервые опробовал именно М. Каплан. Он внес существенный вклад в рассмотрение международной реальности как определенной целостности, функционирующей по своим, пусть и не всегда ясным и неизменным, законам, а не просто как некой совокупности взаимодействующих элементов, которые можно изучать изолированно. При этом одна из главных идей концепции М. Каплана заключается в постулировании основополагающей роли, которую играет в познании закономерностей и детерминант международной системы ее структура. Эту идею разделяют абсолютное большинство исследователей: на ее основе выстраивали свои теории Дж. Модельски и О. Янг, М. Хаас и С. Хоффманн, К. Уолц и Р. Арон... [5; 15; 19; 28; 33; 35]; на нее опирались основоположники английской школы [см.: 11], конструктивизма [13; 31; 34] и неомарксизма [2] в теории международных отношений. В отечественной науке использование системного подхода в этой области исследований дало плодотворные результаты в трудах А.Д. Богатурова, Н.А. Косолапова, М.А. Хрусталева [1] и многих других.

Указанные достоинства работы М. Каплана не отменяются выявленными впоследствии пределами и рисками, связанными с применением системного анализа [см., например: 8; 27]. Риски обусловлены тем, что, во-первых, ни одна система, достигшая

определенного уровня сложности, не может быть познана полностью: как только исследователь выходит за рамки относительно простых систем, основания для того, чтобы считать его выводы правильными, значительно уменьшаются. Во-вторых, далеко не каждая реальность может быть «втиснута» в концептуальные границы системного подхода без угрозы искажения присущих ей характеристик. В-третьих, может появиться искушение подменить аналитику исследования упрощенным холизмом. В-четвертых, системный анализ способен заслонить альтернативные подходы, ведь часто поверхностное сравнение разных объектов создает впечатление, что имеющиеся в них общие черты делают их подобными, при этом исследователи забывают, что изучаемые объекты обладают и различиями, которые могут оказаться гораздо более существенными. В-пятых, системный подход достаточно консервативен, что связано с поверхностной аналогией между механическими и органическими системами, с одной стороны, и социальными системами — с другой. Так, вопросы равновесия, устойчивости и выживаемости системы представляют собой плоды переноса моделей из одной сферы в другую на основе поверхностных аналогий, без необходимого учета особенностей социальных (в данном случае международных) систем. Наконец, в-шестых, возникают вопросы философского, даже этического характера, связанные с влиянием системного анализа на политическое поведение. Риск состоит в том, что системная теория, выявляя механизмы функционирования, факторы равновесия, гармонии и дисгармонии социальных систем, может вести к политическому действию, нормы которого обусловлены определенной моделью. Это вопрос о редуцировании изучения международных отношений к «социотехническим» процедурам. Однако политическая практика международных отношений не может быть сведена к простому применению научных данных. Техническая и организационная рациональность системных моделей, как замечал Ю. Хабермас, не исчерпывает рациональности политического действия [см. об этом: 27]. И это притом, что политическое действие, как и человеческое поведение вообще, далеко не всегда отличается рациональностью.

Стоит отметить, что М. Каплан и сам видел пределы и подводные камни системного подхода. Так, он подчеркивал, что, во-первых, «...еще не выработаны методы математического *изучения сложной проблемы взаимодействий в системе*. Например, ученый-физик может делать точные прогнозы в отношении системы, состоящей из двух участников, примерные прогнозы в отношении системы из трех участников и лишь частичные прогнозы о системе с большим количеством участников. Ученый не может предсказать путь одной молекулы газа в целой цистерне, наполненной газом.

Во-вторых, прогнозы, которые делает ученый-физик, применимы *лишь в отношении изолированной системы*. Ученый не делает прогноза о количестве газа в цистерне, о неизменности температуры в цистерне или о том, что она постоянно будет находиться на месте проведения эксперимента. Он прогнозирует, каким будет характерное поведение большей части молекул газа при наличии постоянных условий температуры, давления и т.д.» [23, р. 17]. В этой связи М. Каплан считал, что тот, кто разрабатывает модели, не рассматривает их как применимые *вообще*. Они применимы только в рамках определенного социального контекста, который должен быть предварительно уточнен. При этом в высшей степени важно определить, существует ли этот контекст в действительности.

М. Каплан также предупреждал: «Теория игр не разрешила наиболее важных проблем стратегии, особенно тех, которые возникают в сфере международной политики. <...> Анализ с позиции теории игр не является точным инструментом для рассмотрения этих проблем. Такого рода анализ не может также служить заменой другим политическим и социологическим теориям» [23, р. 169, 247]. «Однако если теория игр на настоящий момент не является достаточным инструментом анализа, то она, по крайней мере, сужает рамки, в которых может происходить рациональный процесс принятия решений, а также показывает факторы, влияющие на стратегические игры» [23, р. 239]. В конечном итоге М. Каплан писал: «Степень доверия, которую мы придаем нашим исследованиям, никогда не приблизится к той, которую имеет физик в отношении изучения механики. <...> В то же время без теоретических моделей мы неспособны оперировать даже различиями, которые нам доступны, и изучать эти вопросы с той же степенью глубины» [22, р. 7].

Неслучайно даже такой противник «научного» подхода, как Х. Булл, не только не отрицал, но и активно использовал в своих исследованиях понятие «международная система», считая, что ее основными атрибутами являются, «во-первых, существование множества суверенных государств; во-вторых, уровень взаимодействия между ними в том смысле, в каком они формируют систему; в-третьих, степень принятия общих правил и институтов в том смысле, в каком они формируют общество» [9, р. 225]. Неслучайно и то, что три наиболее распространенных сегодня подхода к изучению международных отношений — с позиций международной системы, международного общества и мирового общества — не исключают, а взаимно предполагают друг друга. Как подчеркивал К. Боулдинг, исследование международных систем, предпринятое М. Капланом, чрезвычайно важно, причем не столько с точки зрения достигнутых им результатов, сколько с позиции того методологического пути, который оно открывает в анализе международных отношений [7, р. 329].

Это объясняется в первую очередь тем эвристическим потенциалом, которым обладает системный подход, облегчая задачу поиска условий равновесия и стабильности, механизмов регулирования и трансформации международных систем. В этом отношении работа Мортон Каплана может и сегодня послужить существенным подспорьем при анализе международной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002.
2. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.
3. Теория международных отношений: Хрестоматия. М.: Гардарики, 2002.
4. *Almond G.A.* Who Lost the Chicago School of Political Science? // Perspectives Forum on the Chicago School of Political Science. March 2004. Vol. 2. № 1. P. 91—93.
5. *Aron R.* Paix et guerre entre les nations. P.: Calmann-Lévy, 1964.
6. *Berton P.* International Subsystems — A Submacro Approach to International Studies // International Studies Quarterly. 1969. Vol. 13. № 4. Special Issue on International Subsystems. P. 329—334.
7. *Boulding K.* Theoretical Systems and Political Reality: A Review of Morton A. Kaplan System and Process in International Politics // Journal of Conflicts Resolution. 1958. Vol. 2. P. 329—334.
8. *Braillard Ph.* Théorie des systèmes et relations internationales. Bruxelles: Bruylant, 1977.
9. *Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. N.Y.: Columbia University Press, 1977.
10. *Bull H.* International Theory: The Case for a Classical Approach // Contending Approaches to International Politics / Ed. by K. Knorr and J.N. Rosenau. Princeton: Princeton University Press, 1969. P. 20—38.
11. *Buzan B.* From International System to International Society: Structural Realism and Regime Theory Meet the English School // International Organization. 1993. Vol. 47. № 3. P. 327—352.
12. *Deutsch K., Singer D.* Multipolar Power Systems and International Stability // World Politics. 1964. Vol. 16. № 3. P. 390—406.
13. *Finnemore M.* National Interests in International Society. Ithaca: Cornell University Press, 1996.
14. *Goodman J.S.* The Concept of “System” in International Relations Theory // Background. 1965. Vol. 89. № 4. P. 257—268.
15. *Haas M.* National Subsystems: Stability and Polarity // The American Political Science Review. 1970. Vol. 64. № 1. P. 98—123.
16. *Hanrieder W.* Actor Objectives and International Systems // Journal of Politics. 1965. Vol. 27. № 4. P. 109—132.
17. *Hanrieder W.* The International System: Bipolar or Multibloc // Journal of Conflicts Resolutions. 1965. Vol. 9. № 3. P. 299—308.

18. *Hoffmann S.H.* International Relations. The Long Road to Theory // World Politics. 1959. Vol. 11. № 3. P. 346—377.
19. *Hoffmann S.H.* Théorie et relations internationales // Revue française de science politique. 1961. Vol. 11. № 3. P. 26—27.
20. The International System. Theoretical Essays / Ed. by K. Knorr, S. Verba. Princeton: Princeton University Press, 1961.
21. *Kaplan M.A.* Balance of Power, Bipolarity and Other Models of International Systems // The American Political Science Review. 1957. Vol. 51. № 3. P. 684—695.
22. *Kaplan M.A.* A New Great Debate: Traditionalism versus Science in International Relations // World Politics. 1966. Vol. 19. P. 1—20.
23. *Kaplan M.A.* System and Process in International Politics. N.Y.: Wiley, 1957.
24. *Kaplan M.A.* Variants on Six Models of the International System // International Politics and Foreign Policy. A Reader in Research and Theory / Ed. by J. Rosenau. N.Y.: The Free Press, 1969. P. 291—303.
25. *Kaplan M.A., Burns A.L., Quandt R.E.* Theoretical Analysis of the Balance of Power // Behavioural Science. 1960. Vol. 5. № 3. P. 240—252.
26. *Kaplan M.A., Katzenbach N. De B.* The Patterns of International Politics and of International Law // The American Political Science Review. 1959. Vol. 53. № 3. P. 693—712.
27. *Meszaros T.* Quelques reflexions sur l'idée du système en sciences politiques [En ligne] // Encyclopédie de L'Agora [Site officiel]. URL: http://agora.qc.ca/cosmopolis.nsf/Articles/no2007_2_Quelques_reflexions_sur_lidee_de_systeme_en_s cien?OpenDocument (visitee: 15.02.2012).
28. *Modelski G.* Evolutionary Paradigm for Global Politics // International Studies Quarterly. 1996. Vol. 40. № 3. P. 321—342.
29. *Monroe K.R.* The Chicago School: Forgotten but Not Gone // Perspectives Forum on the Chicago School of Political Science. March 2004. Vol. 2. № 1. P. 95—98.
30. *Nettl P.* The Concept of System in Political Science // Political Studies. 1966. Vol. 14. № 3. P. 305—338.
31. *Onuf N.* World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia: University of South Carolina Press, 1989.
32. *Rosecrance R.* Action and Reaction in World Politics. Boston: Little Brown, 1963.
33. *Waltz K.* Theory of International Politics. Reading, MA: Addison—Wesley Pub, 1979.
34. *Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
35. *Young O.* Systems of Political Science. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1968.